

Мargarита
Гребенникова

Поле жизни



Маргарита Петровна Гребенникова

Поле жизни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44565148

М. П. Гребенникова. Поле жизни: ИПО «У Никитских ворот»; Москва;

2019

ISBN 978-5-00095-825-4

Аннотация

М. П. Гребенникова – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Лауреат и дипломант литературных конкурсов. Победитель Всероссийского журналистского конкурса в номинации «Лучший очеркист местной прессы». В книге «Поле жизни» представлены самые известные, любимые читателями, работы автора. Маргарита Петровна Гребенникова рассказывает историю своего рода, делится воспоминаниями о своей семье. С любовью и горечью пишет о судьбах близких людей, представляет чем-то всем знакомые сюжеты и ситуации, к которым мы возвращаемся вновь и вновь, задумываясь и переживая. Эта повесть жизни, словно колокол в груди, звучит тревожной и покаянной интонацией, не дающей покоя, заставляющей думать о нашей российской непростой судьбе: кто же мы, почему так жили и живём, куда исчезает память и не даёт действовать, когда «что-то не так»?! И вместе с тем доброта, находчивость, радость и смех, любовь к жизни – вот главные черты героев книги, все

эти качества вселяют веру и надежду в светлый путь человека на земле.

Содержание

Голгофа	9
Распятая вера. Путешествие по архиву Соколовых	9
Конец ознакомительного фрагмента.	62



Маргарита Гребенникова

Поле жизни

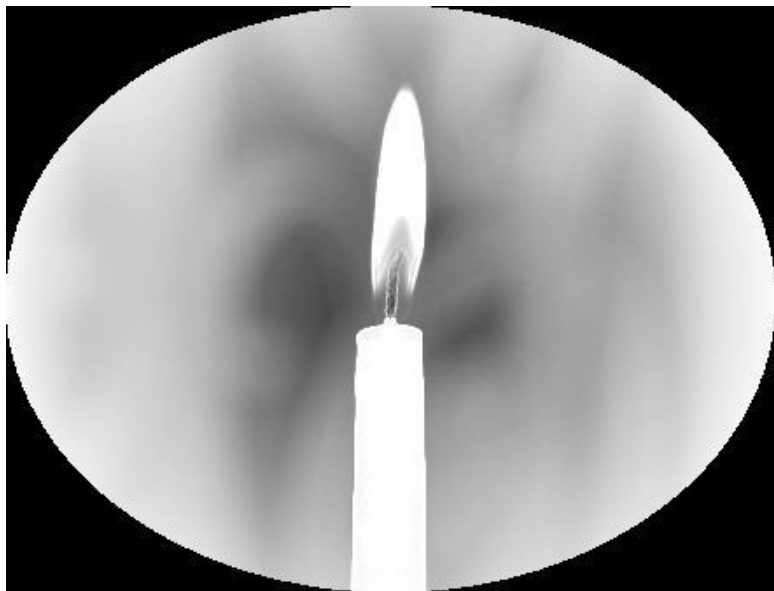
© Гребенникова М. П., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что они наделены своим Творцом неотчуждаемыми правами; что в число этих прав входит жизнь, свобода и возможность добиваться счастья.
Джефферсон Томас

Светлой памяти моих родных, моей семье посвящаю



Голгофа

Распятая вера. Путешествие по архиву Соколовых

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.

Новый Завет, апостол Павел, гл. 13. Первое послание к Коринфянам

Тверь (бывший Калинин), январь сорок второго. Разрушенный оккупацией город, врага прогнали, люди возвращались домой, как часто оказывалось – к пепелищу. Холодно, голодно, неприютно, но надо как-то обустроить жизнь.

Наш дом уцелел, но стёкла выбиты, и почти не осталось дверей. Непривычные к удобствам во дворе, да ещё и к лютой стуже, фашисты устроили нужник в нескольких комнатах первого этажа.

Нюра, соседка по коммуналке, предложила маме:

– Анечка, идите ко мне. В твоей комнате жить нельзя. Надо колун найти, чтобы дерьмо разбить – пол очистить. Ду-

ня Сивер-ская обещала помочь. Я кое-что из своих вещей у Степановых нашла (люди добрые подсказали), так я пошла к ним. Вначале отказывались, но я припугнула, что обращусь куда надо, вернули одеяло, подушку и стул. Под лестницей две железные кровати, видно, ничейные, надо притащить – не на полу же спать! Сейчас с развалин деревяшек принесу, печку затопим, воды вскипятим. А то наши девчонки совсем задубели, как бы не заболели.

Мама с тётёй Нюрой весь день провели в хлопотах. На толкучке у станции удалось купить ложку соли и два стакана крупы.

К вечеру блаженное тепло отогрело нас. В котелке поспела каша, ложка – одна на всех. Выпили горячего душистого настоя (целебные травы нашлись в мешке у тёти Нюры).

Сдвинули кровати, устроили ложе из верхней одежды и ещё из того, что бог послал.

Валя, дочка тёти Нюры, несмотря на уговоры матери, не хотела снимать валенки: «А вдруг воздушная тревога?» Наконец все улеглись, мою подружку сморил сон, она что-то бормотала, всхлипывала, на меня напал кашель. Этот неблагозвучный дуэт приглушался руладами могучего храпа Валиной мамы.

На следующий день наш «завхоз», не скрывая радости, с грохотом втащила в комнату зелёный сундук, опоясанный металлическими полосками:

– Спасибо, солдатик помог, а то бы не одолела. У Степа-

новых еле отбила. Вот, Анечка, твой сундук.

– Нюра, ты перепутала, мой синий и с ручками. Надо обратно отнести.

– А я-то удивилась, чего это Тонька так озверела? Как же это я ошиблась? Плетёное кресло у них заметила – наверно, твоё, у них сроду такого не было. Надо разобраться.

– Прошу тебя, больше к ней не ходи, а то нас самих привлекут за разбой.

Тётя Нюра шутливо подняла руки вверх:

– Виновата! Исправлюсь. Самое главное – крыша над головой есть. Завтра сбегая на фабрику, слышала, ткацкий цех восстанавливают – надо подсобить.

Думаю, как до деревни добраться: мать хочу привезти, нечего ей в землянке мёрзнуть, да и за детьми присмотрит. Окаянный фашист всё пожёг: одни трубы и пепел.

Иногда мысленно возвращаюсь в те дни и не перестаю удивляться, как я и Валя, шестилетние, выжили. Воздушные тревоги, вой сирен, бомбёжки, страх, привычное чувство голода лишали нас милых радостей детства. И долго весь этот ужас напоминал о себе кошмарными снами, а с возрастом, как последствие, – проблемами со здоровьем.

Мама тоже пошла на свою прежнюю работу – в бухгалтерию областного драматического театра. Ей обрадовались:

– Приходите! Чем скорее, тем лучше.

Там же она встретила Екатерину Ивановну Соколову, с которой познакомилась до войны. Их судьбы оказались

похожи: обе из «бывших», мама – дочь «буржуя», лесопромышленника, репрессированного; Екатерина Ивановна – дочь священника. По этой причине горя хлебнули немало. Ещё повезло! Обоим удалось окончить педагогический техникум, но работать по специальности пришлось недолго. Учителя должны были вести атеистическую пропаганду, но, воспитанные в православной вере, не отказались от своих убеждений, поэтому окончили бухгалтерские курсы и состоялись в этой профессии.

После революции семья Екатерины Ивановны лишилась жилья и имущества. В 1938 году возвратились в Тверь, приютил их брат Лидии Сергеевны, матери Екатерины, выделив им комнату в своём доме.

– Перебирайтесь к нам, – предложила Екатерина Ивановна, – веселей вместе и не так страшно!

Её матушка ласково нас приветствовала:

– Рады вам, будьте как дома, – весь её облик излучал сердечную теплоту. Нежно обняла меня за плечи: – Ангелочек мой! Маргариточка – цветочек! Давай помогу тебе раздеться...

Лидия Сергеевна присматривала за внучкой Верой и за мной. Мамы, усталые, поздно вечером возвращались с работы: не хватало специалистов.

Память хранит мгновенья минувшего: под образами светлячком мерцает лампадка, слышен тихий голос Лидии Сергеевны:

– Господи, спаси воинов наших, родных и всех людей! – молилась долго, с земными поклонами.

В нашу недавнюю встречу Вера поделилась со мной воспоминаниями Екатерины Ивановны о том, как в 1942 году моя мама, получив скудный паёк, стала есть из пакета крупу.

– Анечка! Потерпите, вечером кашу сварим.

– Не могу терпеть, всё горит внутри, умираю, есть хочу, – прошептала мама.

Заботливые, родственные отношения в нашем женском коллективе помогли выжить и детям, и взрослым, сохранить душевное здоровье, преодолеть испытания военной поры.

Я навещаю Веру, когда бываю в Твери. Люблю её дочек и внуков, радуюсь, что «природа не отдохнула»: все умны, добры, интеллигенты, лицом приятны. Достойные потомки династий священников Соколовых – Мощанских...

Недавно Вера дала мне семейный архив:

– Почитай, здесь много документальных материалов – беспристрастная летопись минувшего века. Когда я ознакомилась с их содержанием, будто время ожило перед внутренним взором. Испытала потрясение, представив страшный путь, который прошли мои дяди. Судьба не послала им спасения, погибли молодыми...

И я набралась решимости поведать историю семьи Соколовых, особенно уделив внимание биографиям братьев – Владимира Ивановича и Арсения Ивановича.

Их мать, Лидия Сергеевна (в девичестве Мощанская), бу-

дучи дочерью священника, в 1891 году вышла замуж за священника Ивана Гавриловича Соколова.

Как гласит семейное предание, Иван Гаврилович ехал свататься к Ольге, девице из церковного сословия. Была она крепкого телосложения и собой приятна во всех отношениях. Союз с ней обещал рождение здоровых деток и семейное благоденствие. Но познакомился он с Лидией Сергеевной, юной, хорошенькой, жизнерадостной – и предложил ей руку и сердце, на что та ответила согласием. Кстати, Ольга через год скорпостижно скончалась – неисповедимы пути Господни...

Супруги жили в любви и согласии. Привычный патриархальный уклад бытия с его радостями и горестями. Родилось двенадцать детей. Это счастье омрачили утраты: семь ребятишек умерли в детстве, взрослыми стали три дочери и два сына.



Остановлюсь на героях моего повествования: Владимире, 1900 г.р., Екатерине, 1909 г.р., Арсении, 1913 г.р. В их судьбах отразились все перемены и потрясения в России по пути от самодержавия к советской власти. Они жили, умерли или погибли уже в Советском Союзе.

Иван Гаврилович служил в селе Нектарьево Тверского уезда, в 1901 году переведён в храм Симеона Столпника в губернский центр Тверь. Одновременно он являлся законоучителем в Мариинской женской гимназии и низшем техническом училище. В 1915-м получил орден Святой Анны III степени и удостоился сана протоиерея.

После революции настали трудные времена: храмы закрывались, и, чтобы не умереть от голода (шла Гражданская война), Иван Гаврилович взял приход в церкви села Прудово Рамешковского района Тверской области. Своего дома у семьи не было, церковная сторожка стала их пристанищем.

Потрясения, отсутствие медицинской помощи подорвали здоровье священника, и в 1921 году он скончался от приступа астмы. Перед смертью отец просил сына Владимира посвятить свою жизнь церковной службе, а тот мечтал стать врачом. И он, выполняя завет отца, служил псаломщиком.



На его плечи легла забота о семье: мама, два брата, сестра Катя. Старшая, Оля, поступила в школу учительницей. Владимир всерьёз занялся сельским хозяйством. Человек образованный, инициативный, постигал премудрости агротехники, семеноводства, одновременно изучал богословские трактаты профессора Булгакова, в частности «Капитализм и земледелие». Он был полон сил, вдохновлённый полученными знаниями, горячо желал трудиться. Купил корову, лошадь, взял в аренду землю, используя передовые методы ведения хозяйства, получил хорошие урожаи, не отказывал соседям в материальной помощи и советах. Жизнь вроде налаживалась.

Но начались гонения на священнослужителей и их семьи. Оказалось, некоторые, кому он помогал, записали его в кулаки. В результате лишили избирательных прав и его маму, как жену священника, хотя она овдовела к тому времени. Хозяйство отняли, жить негде и нечем, пришлось возвращаться в Тверь.

Одна беда не приходит: умерла Оля, сказались голодные годы, от дифтерита погиб девятилетний Серёжа. Катю Володя увёз к старшей сестре Зое в город Жиздру, там она поступила в педагогический техникум, окончила в 1930 году.

В Твери брат Лидии Сергеевны, Сергей Сергеевич, выделил сестре и племяннику комнату в своём доме. Владимир

собирался построить собственный, благо вопрос с участком решился, но в 1937 году его арестовали и осудили по 58-й статье УК.

Обратимся к архивному документу из «Дела № 13464» В. И. Соколова как неопровержимому доказательству мученической судьбы безвинного человека, жертвы российской голгофы.

Его путь к гибели начался 22 декабря 1937 года. Вот отрывок из протокола первого допроса.

«Я, временный уполномоченный 4-го отдела УГБ сержант Пликин, допросил в качестве обвиняемого Соколова Владимира Ивановича, 1900 г.р. Русский, гражданин СССР, паспорт изъят при обыске.

Род занятий – стройучасток № 1 «Калининстроя», касир. Социальное происхождение – отец Соколов Иван Гаврилович, служитель культа, священник. Социальное положение – до революции учился в гимназии, после революции с 1921 г. по 1929 г. служитель религиозного культа, имел имущество: одну корову, лошадь, деревянный дом 8,5×8,5 аршина, сарай и амбар, земли 3 десятины и хоз. инвентарь. За невыполнение твёрдого задания имущество конфисковано (1929 г.).

Состав семьи: мать – Соколова Лидия Сергеевна, 65 лет, сестра – Соколова Екатерина Ивановна, 28 лет, работает в обл. ЗУ, брат – Соколов Арсений Иванович, 24 года, учит-

ся в Москве, в Институте народного хозяйства. (Подпись: В. Соколов).

Арестованный Соколов отправлен в тюрьму г. Калинин по тал. УВО «З». Изготов. 1937 г. Нач. В/тюрьмы УГБ 37 г.»

25 декабря заполняется «Анкета арестованного», в ней повторение данных, что и в Протоколе допроса; кем и когда арестован: 2-м отд. УГБ УНКВД по Калининской области, 23 декабря 1937 года. Подпись сотрудника, заполнившего анкету, неразборчива.

Теперь ознакомимся с последовательностью раскручивания «дела контрреволюционера» Соколова В. И., ведущего к роковому исходу.



В. И. Соколов

*Управление Народного комиссариата внутренних дел
СССР*

*по Калининской области, управление государственной
безопасности.*

Протокол допроса 1937 г. декабря месяца 25 дня.


*Я, временно уполномоченный 4-го отдела УГБ сержант
госбезопасности Пликин, допросил в качестве обвиняемого
Соколова Владимира Ивановича, 1900 г р.*

Сконцентрируем внимание на содержании допроса, не забывая при этом, что ответы записывали те, кто допрашивал, а значит, и формулировал обвинение.

Вопрос. Чем занимались Ваши родители и Вы до революции?

Ответ. Мой отец, Соколов Иван Гаврилович, по окончании Духовной семинарии в 1890-х годах и до 1921 года, то есть по день смерти, являлся служителем религиозного культа – священником. Лично я служил псаломщиком в селе Прудово Рамешковского района с 1920 по 1929 год. В 1929–1930-х хозяйство моё из-за невыполнения твёрдого задания раскулачено. В начале 1930 года я переехал на жительство в город Калинин. В Калинин мне приходилось работать в разных местах. Около двух лет я работал на станции Кали-

нин грузчиком, около двух лет работал дворником Вознесенской церкви в Калининне. И с 1935 года по октябрь 1936-го я занимал должность писаря архиепископа Фаддея (Успенского И. В.), и в настоящее время работаю в «Калининстрое» кассиром.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА		26
ТРОЙКИ УНКВД Калининской области		
„ 6 “ марта 1938 г.		
С Л У Ш А Л И:	П О С Т А Н О В И Л И:	
<p>35. Дело № 13464-4 ОТДЕЛА УГБ УНКВД по обвинению СКОДОВА Владимира Ивановича, 1900 г.р., ур. села Некторово, Медновского района, проживающего в г. Калинин, сын попа, имел кулацкое, в 1930 г. раскулачен, в 1932 г. судом Тройкой III ОГПУ приговорен к 3 г. лишения свободы, из ссылки бежал.</p> <p>ОБВИНЯЕМОСЯ в том, что будучи враждебно настроен к Соввласти, среди населения проводил и-р агитацию, направленную против мероприятий, проводимых партией и правительством, высказывал порождающие враждебные настроения.</p>	<p>СКОДОВА Владимира Ивановича</p> <p><u>РАСОТРЕЛЯТЬ.</u></p>	
Секретарь тройки		

Выписка из протокола

Вопрос. Назовите Ваших близких по городу Калинин и характер Вашей связи с ними.

Ответ. Хорошо знакомы мне в г. Калинин следующие лица: Чигирь Елизавета Николаевна, Семашко Анна Николаевна. Будучи дворником церкви «Вознесение», я и они были членами церковного совета, и я очень часто заходил к ним на квартиры, где у нас проводились беседы. Их содержание носило характер бытовой или религиозный.

Ещё из числа знакомых у меня есть Филоник Татьяна Ивановна лет тридцати, с которой я состоял в дружественных взаимоотношениях, и Соколова Надежда Александровна, с которой хорошо был знаком. К числу таких знакомых могу отнести бывшего архиепископа Фаддея (Успенского Ивана Васильевича) и его доверенное лицо – Веру Васильевну Трукс. С ними у меня знакомство началось с 1935 года по октябрь 1936-го, был у Фаддея писарем и своих связей до настоящего времени не прерывал. Последний раз я посетил Фаддея в сентябре месяце 1937 года.

Вопрос. Расскажите о характере Ваших бесед с архиепископом Фаддеем при посещении Вами его квартиры.

Ответ. При моём посещении квартиры архиепископа Фаддея характер нашего разговора сводился к прошлой жизни и о природе, так как он любитель природы, и я с ним солидаризировался, каких-либо других разговоров у меня с архиепископом Фаддеем не было.

Вопрос. Вы говорите ложь, скрываете контрреволюционную сущность ваших разговоров с архиепископом Фаддеем, следствие настаивает на даче правдивых показаний.

Ответ. При моих посещениях квартиры архиепископа Фаддея никаких антисоветских и контрреволюционных разговоров между нами не велось. В моём последнем посещении архиепископа Фаддея в сентябре месяце 1937 года сущность нашего разговора я не помню.

Вопрос. При посещении Вами квартиры архиепископа Фаддея кого Вам приходилось встречать ещё из знакомых лиц у последнего?

Ответ. Встречал Громогласова – священника церкви «Неопалимая Купина» и ныне арестованного, которого я видел на квартире архиепископа Фаддея раза два, дьякона Богданова Александра Петровича, Бенеманского И. И., которые заходили на квартиру Фаддея, но групповых посещений квартиры архиепископа Фаддея мне видеть не приходилось.

Вопрос. За что Вы были арестованы органами НКВД в 1936 году?

Ответ. Я был арестован за размножение богословского трактата профессора Булгакова для рассылки по викарным епископам Калининской епархии, для чего я на пишущей машинке этот трактат печатал в нескольких экземплярах. За печатанием этого трактата я и был арестован.

Вопрос. Кто Вам давал указание по размножению этого трактата?

Ответ. Указаний на это мне никто не давал, печатал я для облегчения чтения, лично для себя, но не для отсылки кому-либо.

Вопрос. Вам предъявляется обвинение в том, что Вы являетесь активным участником контрреволюционной церковно-монархической организации в городе Калинин. Признаёте Вы это?

Ответ. Участником контрреволюционной организации я не являюсь.

Вопрос. Вы по заданию руководства контрреволюционной церковно-монархической организации проводили систематически контрреволюционную агитацию среди населения г. Калинина о неизбежности гибели существующего строя и установления монархии в СССР. Признаёте себя виновным в этом?

Ответ. Никогда я контрреволюционной агитации не проводил.

Далее идёт процедурная запись: *«Показания с моих слов записаны правильно, лично мной прочитаны, в чём и распи-сываюсь. В. Соколов».*

«Допросил: Вр. оперуполномоченный 4-го отдела УГБ, сержант госбезопасности Пликин».

Вот и дошла очередь до окружения В. И. Соколова.

В Протоколе допроса 1937 года декабря месяца 27 дня свидетеля Мощанского Сергея, 1861 г.р., оперуполномоченным 6-го отделения 4-го отдела УГБ сержантом госбезопасности Выгодчиковым заслуживает внимания такая пометка: *«В 1930 г. в августе месяце ссылался административно из быв. г. Твери в г. Рыбинск, откуда возвратился в январе*

1931 г. по пересмотру моего дела». И внимательно проследим за ответами свидетеля Мощанского Сергея Сергеевича, предупреждённого об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК.

Вопрос. Вы давно знакомы с Соколовым Владимиром Ивановичем?

Ответ. Да. Соколова Владимира Ивановича знаю давно, так как его мать является моей родной сестрой, и он доводится мне племянником.

Вопрос. Какие взаимоотношения у Вас с Соколовым Владимиром Ивановичем?

Ответ. Взаимоотношения у нас с Соколовым нормальные.

Вопрос. Что Вам известно о социальном прошлом Соколова Владимира Ивановича?

Ответ. Отец Соколова В. И. являлся священником, умер он уже после революции, примерно в 1921 году, точно я не могу сказать когда. Соколов В. И. по окончании гимназии поступил тоже служить в церковь. Служил он с 1921 по 1930 год псаломщиком в селе Прудово Бежецкого района. Кроме того, что он был служителем религиозного культа, он имел зажиточное хозяйство и арендовал у местных крестьян землю.

В 1930 году его хозяйство раскулачили, и Соколов переехал на жительство в г. Калинин, быв. Тверь. Себя Соколов В. И. держал очень высоко и на советскую службу идти

не хотел. Считал это унижительным для себя. Поэтому, про-
быв некоторое время без работы, Соколов поступил в собор
на должность дворника, фактически он был завхозом собо-
ра, т. к. дворников без него там хватало, а он в то же время
выполнял функции регента соборного хора. В 1934-м или
1935-м собор закрыли, и Соколов В. И. остался без места,
но, поскольку являлся враждебно настроенным по отноше-
нию к советской власти, Соколов и в это время не пошёл на
советскую службу, а перешёл на должность личного секретаря
архиепископа Фаддея, в то же время выполнял должность
регента, т. е. руководил хором в единоверческой церкви.

В 1936 г. архиепископу Фаддею в регистрации отказали,
и Соколов перешёл на работу кассиром в «Калининстрой»,
но регентом был до последнего времени.

Вопрос. Что Вам известно об антисоветской агитации со
стороны Соколова В. И.?

Ответ. Будучи враждебно настроенным к советской вла-
сти, Соколов при всяких удобных моментах старался выска-
зать свои антисоветские настроения. В октябре месяце сего
года, когда вышло постановление о голосовании по выборам
в Верховный Совет, Соколов говорил, что эти выборы, как
и новая Конституция, ничего нам не дают, но что и есть на-
дежда наша – это готовиться нам и помогать Германии уни-
чтожить коммунистов в России, освободить святую Русь от
антихристов нашествия. И много фактов ещё он говорил, но
я рассказать сейчас их не могу, так как память у меня плоха

и вспомнить ничего не могу.

Соколов с 1930 года проживал у меня на квартире, и я его знаю как человека антисоветски настроенного. Больше показать ничего не могу.

«С моих слов записано правильно, мне вслух прочитано, в чём и расписываюсь. Мощанский».

«Допросил оперуполномоченный 4-го отдела УГБ сержант госбезопасности Выгодчиков».

Что тут сказать? Родной дядя выставил племянника злостным врагом режима.

В этот день служаки НКВД постарались. Тот же оперуполномоченный допросил свидетеля Сапрыкина Василия Ивановича, 1875 г.р. Автобиографические данные без особенностей, кроме социального положения: а) до революции – священник, б) после революции – священник, является священником Волынского кладбища. (Меня настораживает образование – не в духе времени: окончил гимназию и двухгодичные богословские курсы!)

Вопрос. С какого времени и где Вы познакомились с Соколовым Владимиром Ивановичем и в каких взаимоотношениях Вы с ним были?

Ответ. С Соколовым Владимиром Ивановичем я знаком с мая месяца 1937 года, познакомился с ним на Волынском кладбище. Соколов является регентом хора единоверческой церкви. В прошлом он был псаломщиком, а по происхождению – сын священника. Взаимоотношений у меня с ним осо-

бо близких не было, но часто с ним встречались.

Вопрос. Какие разговоры на политические темы у вас велись с Соколовым во время ваших встреч?

Ответ. Во время встреч Соколов жаловался на тяжёлые условия жизни и выражал враждебное отношение к существующему строю, благодаря которому, по его выражению, он не может приносить пользу обществу. Поэтому и не желает идти на службу в советские учреждения. А также ему дан совет архиепископом Фаддеем Успенским: лучше выполнять самую тяжёлую и грязную работу частным образом, чем наниматься в советские учреждения.

При этом Соколов говорил, что Фаддей прав, говоря ещё: «Крепись и потерпи, скоро этот гнёт и насилие, давящие на нас, исчезнут. Гибель существующего произвола неизбежна, и мы скоро вздохнём совсем свободно».

Разговор этот имел место на Волынском кладбище в июле 1937 г.

Вопрос. Что Вам ещё известно из антисоветских разговоров Соколова Владимира Ивановича?

Ответ. В последнюю встречу в ноябре месяце после церковной службы я встретился с Соколовым около кладбищенской церкви, разговорились по вопросам обыденного характера, о том, как проходила служба, и много ли народу было в церкви. Соколов с этого разговора перевёл разговор на политическую тему о новом избирательном законе. Он указал, что, несмотря на проводимую советской властью анти-

религиозную пропаганду по радио и в прессе, всё же у нас наблюдается прилив верующих в церковь. Поэтому мы, церковники и все верующие, обязаны использовать этот новый закон в своих целях, чтобы разоблачить политику одурачивания граждан демократичностью, которой, по существу, нет и не будет. Мы должны приготовиться также к голосованию и дружно голосовать за своих кандидатов.

Вопрос. С кем Соколов находился в близких отношениях из единоверческой церкви?

Ответ. Мне известно со слов самого Соколова и отзыва о нём со стороны священника Морошкина, что Соколов находился в близких отношениях с архиепископом Фаддеем Успенским, будучи его личным секретарём. Кроме того, Соколов группировал вокруг себя священников Морошкина, Пешехонова и церковный актив из певчих фамилий, которых я не знаю, монашек, а также был в близких отношениях с недавно вернувшимся из ссылки Леоновым Георгием Родионовичем.

Вопрос. Кто такой Пешехонов?

Ответ. Пешехонов Пётр Ануфриевич является священником и служит где-то за г. Калинин. Человек особо реакционно настроен и примыкает к староцерковной реакционной ориентации. По политическим убеждениям – монархист.

Вопрос. Что Вам известно об антисоветской деятельности Пешехонова Петра Ануфриевича?

Ответ. С Пешехоновым мне пришлось видаться за время

с мая месяца 1937 г. до настоящего времени раза три-четыре. В беседе со мной, при встрече в ноябре месяце 1937 г. около единоверческой церкви, Пешехонов Пётр Ануфриевич в разговоре о службе и посещаемости церкви после моего высказывания, на мой вопрос (почему так мало стало посещать церковь и как дело с посещаемостью у него лично в церкви) Пешехонов высказал своё мнение, что основная причина, по его мнению, – сильный зажим народа коммунистами, и верующие, опасаясь, чтобы не лишиться работы, а в связи с этим средств к существованию, стали меньше посещать церковь, так как она является для них компрометирующим их лояльность.

На мой вопрос (а как же, ведь в новой Конституции говорится чёрным по белому, что советская власть обеспечивает право граждан и свободу их вероисповедания) Пешехонов только ответил мне: «Мало ли что говорится там, а на деле мы видим совсем обратное. Колокола с церковей снимали, церкви насильно закрыли, обманывая тем, что якобы закрываются по требованию трудящихся. Нас, служителей культа, гнули налогами, а теперь видят, что нас этим не проймёшь, стали арестовывать. Вот как, например, Вы, наверное, слышали, что арестовали в церкви «Неопалимая Купина» Громогласова и Маслова, а за что! Ведь они люди совсем попали без вины, а только за то, что были священниками».

Вопрос. Вы указали, что в особо близких отношениях с Соколовым был прибывший из ссылки бывший священни-

ком Леонов Георгий Родионович. Расскажите, что Вам известно о нём?

Ответ. Леонова Георгия Родионовича я мало знаю, и из разговоров с самим Соколовым мне стало известно, что он якобы только в этом году вернулся из ссылки и с целью маскировки не пошёл служить священником и решил временно поступить рабочим, чтобы этим самым свободно продолжать свою враждебную деятельность, прикрываясь званием рабочего. Леонов часто бывает на богослужении в единоверческой церкви и церкви «Неопалимая Купина», где активное участие принимает в хоре.

Мне известно о том, что Леонов по заданию Морощкина ходил по сбору средств на построение нелегального монастыря для Фаддея Успенского, а также в ноябре месяце ходил по сбору подписей среди верующих о передаче староцерковникам обновлённой кладбищенской церкви. Антисоветских высказываний я от Леонова, кроме небольших отрывочных фраз вроде «скоро вам с коммунистами будет конец», больше ничего не слышал.

Завершается протокольная запись соответствующими подписями свидетеля Сапрыкина и оперуполномоченного Выгодчикова. А следствие по делу Соколова В. И. набирает обороты, привлекая всё новых свидетелей. Так, 1938 года января месяца 29-го дня сержантом госбезопасности Пликиным допрошен свидетель Федотов Михаил Федотович, 1905 г.р., начальник 1-го строительного участка «Калинин-

стройка».

Вопрос. Вы знаете Соколова Владимира Ивановича?

Ответ. Да, знаю. Соколов Владимир Иванович является моим подчинённым по работе, то есть он работает в 1-м стройучастке в качестве кассира. Я же являюсь начальником этого участка с июня месяца 1937 года.

Вопрос. Известно ли Вам что из социального прошлого Соколова?

Ответ. Из рассказов рабочих стройучастка мне известно, что Соколов был служителем религиозного культа – псаломщиком в одном из сёл Рамешковского района до 1930 года. После чего он работал на разных работах в г. Калинин, но где, я точно не знаю.

Вопрос. Что Вам известно об антисоветской деятельности Соколова В. И.?

Ответ. Соколова В. И. я знаю очень мало, и его антисоветской деятельности мне не удалось замечать. Сам Соколов является человеком замкнутым, и особой дружбы он ни с кем не имел, в разговоры неслужебного характера ни с кем не вступает. Мне известен случай, когда Соколов в конце сентября месяца пел песню, которая давно уже запрещена, точно слова её я привести не могу, но помню некоторые слова, как то «За тюремной стеной...» и т. д. По работе за Соколовым у меня никаких замечаний не было. Больше показать я ничего не могу.

Далее следует процедурное завершение допроса с подпи-

сями свидетеля и оперуполномоченного.

В этот же день, 29 декабря 1937 г., оперуполномоченным Выгодчиковым допрошен свидетель Метлин Николай Васильевич, 1869 г.р., сын священника, до и после революции – священник.

Вопрос. Вы знакомы с регентом единоверческой церкви Соколовым Владимиром Ивановичем?

Ответ. Соколова Владимира Ивановича я хорошо знаю и знаком с ним с 1917 или с 1918 года.

Вопрос. Расскажите о социальном происхождении Соколова В. И.

Ответ. Соколов Владимир Иванович является сыном священника. Сам после окончания учебного заведения на работу в сов. учреждения не пошёл, а вступил в должность псаломщика и сторожа церкви «Вознесенской». Бывший лишенец.

Вопрос. Изложите подробно, что Вам известно об антисоветской деятельности Соколова Владимира Ивановича.

Ответ. Соколов в разговорах со мной на протяжении целого ряда лет, касаясь образования и причины, почему он не стал продолжать своё образование как очень успешный человек в науке, с ненавистью всегда говорил: «Советская власть меня искалечила. Я ненавижу её всей душой, и противно даже упоминать название этой гнусной власти, мелочной в своём отношении к враждебным классам. Единственное, в чём я нахожу утешение, – это в обществе милостиво-

го архиепископа владыки Фаддея (Успенского), которому я предан и душой, и телом».

Соколов по своим убеждениям вполне сложившийся монархист. В своей агитации контрреволюционного характера систематически высказывает, что советская власть неизбежно должна скоро погибнуть и вместо этого строя должен укрепиться монархический строй. В этих разговорах он говорил: «Я согласен с архиепископом (Успенским), указывающим, что теперь нам остаётся немного потерпеть. Скоро это всё кончится. Господство черни будет сметено дочиста и смыто кровью».

Метлин расписался в достоверности своих показаний на допросе.

В архивном деле далее следует Протокол допроса от 28 января 1938 г. свидетеля Ергина Михаила Гавриловича, 1891 г.р., оформленный сержантом госбезопасности Пликиным.

Род занятий: служитель религиозного культа – дьякон церкви «Белая Троица» в г. Калинин. Социальное происхождение – сын священника, окончил Московскую Богословскую академию в 1934 году.

Вопрос. Вы знаете Соколова Владимира Ивановича?

Ответ. Да, Соколова Владимира Ивановича я знаю. Это бывший псаломщик, и после закрытия Вознесенской церкви служил в 1935 году секретарём архиепископа Тверского Успенского И. В. (Фаддея) до 1936 года по октябрь месяц.

Я хорошо с ним знаком не был, но мне пришлось в 1935 году в марте или апреле месяце принимать церковное имущество церкви «Вознесение», которым заведовал Соколов Владимир Иванович.

Вопрос. Что Вам известно об антисоветской агитации со стороны Соколова В. И.?

Ответ. До 1935 года я личность Соколова не знал, и, когда стали принимать церковное имущество церкви «Вознесение», нам сказали, что Соколов В. И. является дворником церкви, и, так как церковь из Тихоновской ориентации передавалась обновленцам, мы Соколову предложили остаться дворником и у нас. При этом Соколов остаться дворником у обновленцев категорически отказался и заявил:

«Я не предатель веры и интересов Патриарха Тихона и его завещания помню, что мы будем бороться с обновленцами как продавшимися большевикам, и наши интересы разные с обновленцами.

Вы помогаете большевикам уничтожить религию в России. Но это недолго, скоро вам придёт конец. Вспомните, что в 1929 году, когда папа римский объявил крестовый поход на Россию, но сейчас наших сил больше. Если это не удалось в 1929 году, то удастся теперь, и этого недолго ждать. Советская власть морит голодом крестьян, отбирает у них последний хлеб и оставляет на произвол судьбы. В городе наши силы тоже крепнут, и скоро мы вам и вашей советской власти покажем, как отбирать церковь у истинно православ-

ных христиан».

После этого случая я заинтересовался этим Соколовым, почему у него такие антисоветские настроения. И как мною было установлено, Соколов раньше имел кулацкое хозяйство и в то же время служил в церкви. В 1929 году его раскулачили, по переезде в г. Калинин он был наиболее приближённым лицом реакционного, ныне арестованного, архиепископа Фаддея и впоследствии был его личным секретарём. В церкви «Вознесение» Соколов В. И. являлся фактически хозяином, так как был и зав. хозяйством, то есть управлял всем хозяйством. И если что делали в церкви, только с его разрешения.

Кроме того, он являлся регентом хора и псаломщиком, цель этого – скрыть себя от обложения налогов и замаскировать своё лицо. А высказывания повстанческого характера со стороны Соколова, я считал, были вызваны тем, что Соколов с передачей церкви терял своё положение, а может, что другое. При этих разговорах присутствовали священник Колесников Тимофей Савич и Александров Иван Александрович. Больше показать ничего не могу.

«С моих слов записано правильно, мной лично прочитано, в чём и расписываюсь, – М. Ергин».

Это же удостоверил Пликин.

Судилище тем временем продолжается... В Протоколе допроса Соколова Владимира Ивановича от 31 января 1938 года ощущается грозное напряжение (всего два допроса ре-

шили его судьбу).

Вопрос. Вам предъявляется обвинение по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, т. е. в том, что Вы систематическим среди населения проводили контрреволюционную агитацию. Признаёте себя виновным в этом?

Ответ. Виновным себя в этом не признаю, т. к. никакой контрреволюционной агитации не вёл нигде.

Вопрос. Следствие располагает данными о том, что Вы проводили контрреволюционную агитацию. Дайте правдивые показания по этому вопросу!

Ответ. Нет, контрреволюционной агитации я не проводил нигде.

«Протокол записан с моих слов правильно, мне зачитан, в чём и расписываюсь, – В. Соколов».

«Допросил: Врид. уполномоченного 4-го отдела УГБ сержант госбезопасности Пликин».

Соколову В. И. на этом же допросе объявлено уже утверждённое постановление от 24 января 1938 г. начальника управления НКВД Калининской области капитана госбезопасности Гуминского об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, датированного 27 января 1938 года.

Я, врид. оперуполномоченного 6-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД СССР по Калининской области, сержант госбезопасности Пликин, рассмотрев следственный мате-

риал по делу № 13464 и приняв во внимание, что гр. Соколов Владимир Иванович, 1900 г.р., уроженец села Нектарьево Медовского района Калининской области, достаточно изобличается в том, что, будучи настроен враждебно к советской власти, систематически среди населения г. Калинина проводит контрреволюционную агитацию (нет достоверных фактов по поводу изобличения),

постановил:

гр. Соколова Владимира Ивановича привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 10, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в тюрьме г. Калинина.

«Арест Соколова по признакам ст. 58 п. 10 УК санкционирую. 29.1.38. зам. областного прокурора (подпись неразборчива)».

Визируют документ, составленный сержантом Пликиным, словом «согласен»: начальник 6-го отделения 4-го отдела мл. лейтенант госбезопасности Михайлов; начальник 4-го отдела УГБ УНКВД капитан госбезопасности Рождественский.

Настоящее постановление объявлено 31 января 1938 г., на нём стоит также подпись обвиняемого, Вл. Соколова.

В обвинительном заключении от 13 февраля 1938 г., составленном Пликиным, последовательно и сжато констатируется рассмотренное дело, где, в частности, указано: «Со-

колов Владимир Иванович... группировал вокруг себя контрреволюционные церковные антисоветские элементы с целью использования их для антисоветской агитации... повстанческого характера, клеветнически высказывался по адресу советской власти о якобы насильственном уничтожении религии в СССР». С постановлением Пликина «передать дело № 13464 на рассмотрение Тройки УНКВД по Калининской области» согласен врид. нач. 4-го отд. 4-го отдела лейтенант госбезопасности Афанасьев.

6 марта 1938 года краткая запись из протокола Тройки по слушанию дела № 13464, где указано: «Соколов в 1932 году приговорён к трём годам лишения свободы, из ссылки бежал... Обвиняется в том, что, будучи враждебно настроен к советской власти, среди населения проводил контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий, проводимых партией и правительством, высказывая пораженческие настроения», завершается страшным словом **расстрелять.**

УЧТЕНО
в 1960 году

89

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Управление МГБ по Калининской области

Год производства 19

Следственное дело

№ 13460

По обвинению

Успенского
Ивана Васильевича

Полученное из архива дело должно быть возвращено не позднее 10 дней с момента получения его.

Передача полученных из архива дел в другие отделы или органы производится исключительно через отдел, А* УМГБ по Калининской обл.

20712

Арх. № 944

Арх. №

1148

Переделано в 1960 г.

Том 20

Дело в 1 томах.

Безвинный Соколов Владимир Иванович по акту от 8 марта 1938 года расстрелян, что *подтверждают «служивые»: начальник 8-го отдела УГБ УНКВД Калининской области лейтенант госбезопасности Станкевич, начальник АХО лейтенант Курдин, начальник внутренней тюрьмы сержант Иржевский, инспектор сержант Александров.*

Как просто решались судьбы! Родным сказали, что В. И. Соколов осуждён на 10 лет. Родные надеялись, ждали и молились «о здравии», а надо было «об упокоении».

А Владимиру всего-то 38 лет. Человек твёрдых убеждений, образованный, деятельный, искренне сожалел, что не может принести пользу обществу. Он так и не познал радостей семейной жизни. Бытовая неустроенность, атмосфера страха не вселяли уверенности в завтрашнем дне. Обладая аналитическим умом, он допускал возможность пополнить собой ряды репрессированных (что и случилось) и, как порядочный и ответственный, не мог подвергать тяжёлым испытаниям ту, которая стала бы его избранницей. По словам очевидцев, Владимир был весёлым человеком, имел хороший голос, прекрасно играл на музыкальных инструментах, но иногда в общении с неприятными ему людьми допускал резкость.

Ложь по поводу гибели Владимира повторилась спустя почти двадцать лет, когда 26 декабря 1957 года сестра Вла-

димира – Екатерина Ивановна Соколова – направила заявление областному прокурору города Калинина: «Жив ли брат и за что осуждён, а если умер, то где и когда?», указав, что «после его ареста я сдавала по месту его работы кассу и денежные дела. Никаких недостатков у него никогда не было, люди, работавшие с ним, непосредственно соприкасаясь с ним, как то: бухгалтер З. И. Рассудовская и другие сотрудники, о нём очень хорошо отзывались. По работе был очень аккуратен и исполнитель».

Оперуполномоченный УАО УКГБ при СМ СССР по Калининской области ст. лейтенант Лукин, рассматривавший архивно-следственное дело № 5043 на Соколова В. И. и заявление его сестры, добился, чтобы смерть Соколова В. И. была зарегистрирована в Калининском городском бюро ЗАГСа «как умершего в местах заключения от прободения язвы желудка 22 февраля 1942 года».

Доказательством невинности Соколова В. И., людоедства и циничности судилища над ним служит заключение от 7 апреля 1957 г. заместителя начальника следственного отдела УКГБ по Калининской области майора Анисимова, указывающее:

«Обвинение Соколова было основано на показаниях свидетелей Метлина, Мощанского, Сапрыкина и Ергина. Передпросить их не представилось возможным, так как местожительство их не установлено. Однако объективность показаний этих свидетелей вызывает сомнение, поскольку в

процессе проверки устанавливается, что Сапрыкин, Метлин и Ергин выступали в качестве свидетелей по целому ряду дел. По материалам архивно-следственного дела на Успенского, арестованного в 1937 году и обвинявшегося в создании контрреволюционной монархической организации в г. Калинин, Соколов не проходит. Допрошенные в процессе проверки свидетели Мощанский С. С., Орлов В. Е., Филоник Т. И., Арефьев П. С. ничего компрометирующего о Соколове не показали.

Одновременно с этим свидетель Орлов В. Е., проживавший в одном доме с Соколовым В. И., охарактеризовал его взаимоотношения с Мощанским С. С. ненормальными. Работники УНКВД Афанасьев и Рождественский, проводившие следствие по данному делу, допускали в 1937–1938 гг. фальсификацию и другие извращённые методы ведения следствия, за что в 1939 году были арестованы и осуждены.

При таком положении нельзя признать правильным осуждение Соколова В. И., а поэтому полагал бы архивно-следственное дело № 5043 вместе с материалами проверки и нашим заключением направить прокурору области для решения вопроса об отмене решения Тройки УНКВД Калининской области от 6 марта 1938 года и прекращении дела на Соколова Владимира Ивановича на основании ст. 204 «б» УПК РСФСР».

Это заключение утверждено 8 апреля 1957 года началь-

ником управления КГБ при СМ СССР по Калининской области подполковником Горбатовым.

В принесённом протесте (в порядке надзора) по делу Соколова Владимира Ивановича прокурор Калининской области старший советник юстиции М. Паспортников признал, что «Соколов осуждён был за антисоветскую агитацию незаконно без объективных доказательств его вины... Постановление Тройки УНКВД Калининской области от 6 марта 1938 года, руководствуясь ст. 16 Закона о судопроизводстве Союза ССР, союзных и автономных республик, прошу отменить и дело о нём за отсутствием состава преступления производством прекратить».



Священномученик Фаддей (Успенский И. В.). Икона

Можно догадываться, сколько мучений испытал в заключении В. И. Соколов, каково мужество, сила духа: не струсил перед палачами, категорически отвергал обвинения в свой адрес, на провокационные вопросы по поводу его знакомых следователи не получали ответа.

Когда Владимира Ивановича арестовали, решалась судьба и его духовного пастыря – бывшего архиепископа Фаддея (Успенского Ивана Васильевича). В справке от 20 декабря 1937 года, выданной по запросу НКВД, врид. председателя райсовета Центрального района г. Калинина Веселова, указано: «...гражданин Успенский Иван Васильевич, 1872 г.р., проживающий по ул. Бонч-Бруевича, д. № 30, является епископом, до 1936 г. лишился избирательных прав. В последнее время жил на пожертвования верующих граждан».

В протоколе допроса, проводимого Тройкой УНКВД Калининской области 29 декабря 1937 г. (Дело № 13460 4-го отд. УГБ УНКВД) по обвинению Успенского Ивана Васильевича, изложены биографические данные и обоснование ареста: «...урождённый с. Наруксово, быв. Лукояновского уезда Горьковского края, сын священника, сам архиепископ, один из 11 заместителей Патриаршего престола, бывший архиерей по Калининской области, осуждён органами ВЧК в 1921 г. к высылке из УССР, в 1923 г. постановлением коллегии ОГПУ был выслан в ссылку на один год в Усть-Сысольск Коми-области.

Обвиняется в том, что, являясь руководителем контрре-

волюционной церковно-монархической организации, имел тесную связь с ликвидированной контрреволюционной церковно-фашистской организацией в г. Кашине (участники которой в числе 50 человек приговорены к высшей мере наказания). Давал задания участникам на организацию, насаждение церковно-монархических групп и повстанческих ячеек по Карельскому национальному округу через своего посланца Орлова Митрофана, осуждённого по сбору средств на построение нелегального монастыря, и руководил организацией систематической агитации».

Выписка из акта от 29 декабря 1937 года за подписью начальника 8-го отдела УВД УНКВД Станкевича, начальника АХО УНКВД лейтенанта госбезопасности Курдина, начальника внутренней тюрьмы сержанта госбезопасности Иржевского подтверждает состоявшийся *расстрел Успенского И. В. 31 декабря 1937 года.*

Прошло много десятилетий, и 18–23 февраля 1997 года Священный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил священномученика Фаддея к лику святых, а его мощи покоятся в Твери в церкви «Вознесение».

Арсений Иванович Соколов

Пишу, испытывая сердечное волнение и печаль, о жизни Арсения, младшего брата Владимира Соколова. Это был удивительный, светлой и нежной души человек, наделённый незаурядными способностями, он всё время учился. В объё-

ме семилетки получил знания в фабрично-заводской школе № 3 г. Калинина, совмещал работу на заводе с учёбой в комсомольской школе при вагоностроительном заводе, успешно окончил её за полтора года. Поступил в Московский институт народного хозяйства им. Плеханова и стал счастливым обладателем диплома 25 июля 1940 г., а с августа приступил к работе в Калининском горпромторге. 25 июня 1941 года Арся призван в армию.

В семье сохранились три письма – бесхитростные искренние строки о его жизни. На долю Арсения выпали немислимые испытания: плен, тяжелейший тиф, побег к своим.

Его первое письмо от 28.09.1941:

«Здравствуйте, дорогие мои мамуленька и сестра! Сегодня решил написать вам письмо про свою бродячую жизнь. Но прежде, будучи крайне беспокоен за вас, очень болею душой о том, как вы продолжаете жить в Калининне.

Как видно, из Калинина часть людей выехала. Но что вы будете делать, если вдруг придётся выезжать? Очень плохо, что я не совсем ясно представляю себе жизнь в настоящее время в Твери. Живут ли ещё на месте наши Мощанские? Мне бы очень хотелось, чтобы ты, Катя, мне по несколько слов, но писала, какое у вас там состояние. Между прочим, я получил 9 сентября открытку от Виктора Кононова, он пишет, что был 1 сентября в Твери. Также получил подарок-посылку, и когда открыл её, то оказалось,

что эту посылку послала из Калининского драмтеатра артистка Зайцева. Прислала пару белья, пачку печенья, конфет, одеколон, мыло. Так что надо её поблагодарить.



Е. И. Соколова, А. И. Соколов, Л. С. Соколова

Получаете ли вы деньги по аттестату, который вам наш нач-фин уже давно выслал? Привет всем родным и знакомым. Пока ещё жив и здоров, долго ли так будет, не знаю, конца кампании не видно. Где находятся сестра Зоя и племянницы?

Ну, пока, всего хорошего. Остаюсь любящий вас, всеми мыслями с вами, Ваш сын и брат Арся... Сегодня, 29 сентября, получил открытку».

И связь прервалась почти на три года. Родным это время показалось вечностью: неизвестность приводила в отчаяние, но порой светились искорки надежды: а может, жив? И возносились молитвы ко Господу: «Святой Боже, спаси и защити Арсения»...

И как чудо – несказанная радость: пришло от него письмо от 30 июля 1944 года.

«Здравствуйте, дорогие и милые мои мамуленька и Катя!

После более чем двух с половиной лет неожиданно для вас оказался ещё жив, и в данную минуту невредим. Но здоровье неважное, ибо очень много тяжёлого перенёс, и в заключение – болезнь тифа в тяжёлой форме сильно пошатнула моё сердце, так что оно пошаливает. Как видно, молитвы Ваши, мамуленька, пока спасли меня. И эти молитвы к Богу сейчас мне ещё более нужны. Дай Бог, чтобы все вы были живы и здоровы. Особенно боюсь за Вас, мамулька. Ведь фашисты-немцы были и в Калининe. Где Зоя и племянницы? Много писать не буду, но скажу, что я пережил участь Лёни и Вани Мощанских в войну 1914–1918, но ещё тяжелее. Из плена бежал к своим, но пока моё положение, наверно, немного лучше Володиного.

Впереди передовая. Но что же делать? Только вот здоровье плохое, очень сильное малокровие и след от небольшой

ранки. Я уже могу потерять сознание.

Успехи нашей славной Красной Армии заставляют сильно радоваться. Молодцы те, кто гонит этих мучителей, ненавистных нашей Родине. Быть может, и конец войны недалёк.

Где-то вы живёте? Я пишу по старому адресу, хотя не знаю, цел ли дом. Хорошо бы ещё пожить и вернуться домой хотя бы скромным воином. Это было бы великое счастье.

Молитесь обо мне. Ну, всего хорошего. Целую вас много, много тысяч раз. Остаюсь любящий вас до гроба, ваш сын и брат Арсений Соколов. Пока адреса своего не даю, пока не уточнится моё положение».

Удивительно, какое нежное, любящее сердце! После перенесённых страданий не ожесточился, сохранил светлую душу, мечтая «вернуться домой скромным воином».

Трепетно, бережно касаюсь листочков последнего письма от 26.08.1944.

«Здравствуйте, дорогие мои мамуля и Катя!

Пишу вам вторично несколько слов о себе. Очень жаль, что я не сообщил вам, что всё же можно было бы написать ответ по адресу, который я написал на конверте. Но он (адрес) теперь уже отменён. Мой временный адрес теперь – Полевая почта 92761 – ответ я успел бы получить и по старому адресу. Теперь и по этому адресу я едва ли по-

лучу ответ. Но всё же если получите письмо, то сразу же черкните мне про свою жизнь хоть несколько слов. Я очень беспокоюсь за всех вас и особенно за мамуленьку.

Моё положение пока без перемен, но должно измениться в ближайшем времени. Но оно немного лучше Володиного, вот как изменилась жизнь в худшую сторону. Дай Бог, чтобы остаться живым и невредимым. Я уже в первом письме указал, что пережил судьбу Лёни и Вани Мощанских. Ужас, что перенёс там, болел тифом (сыпным), и очень тяжело, но выжил, сердце моё стало очень слабое и желудок также, следовательно, силы очень мало и сильное малокровие. Как видно, только Всевышний может меня теперь спасти. Но что ж делать? Ау, война...

Только очень хотел бы ещё раз увидеть вас. Как и где вы прожили во время пребывания фашистов в нашем городе? Как Вы, мамуленька, пережили ужасы войны в 1941 году? Дай Бог, чтобы Вы и Катя, все были живы и здоровы. Где-то Зоя и нет ли известий о Володе?

Успехи нашей Красной Армии заставляют сильно радоваться! Война движется к концу, и скоро наши войска и союзники добьют Гитлера в его собственной берлоге. Счастлив, кто доживёт до конца войны. Эх, кабы знать о себе! Пишу очень мало, ибо не знаю про вашу жизнь. Ну, пока всего хорошего. Целую вас миллион раз. Привет всем, скажите только, что 24.08.44 он был ещё жив. Остаюсь любящий вас сын и брат Арся.

Скоро, понятно, придётся участвовать в боевых операциях, как-то повезёт... Молитесь обо мне, Арся».

Все письма проверяла цензура, о чём-то нельзя было писать, и только родные читали между строк! Двоюродные братья Лёня и Ваня в Первую мировую войну испытали ад немецкого плена. Его слова о своём положении «оно немного лучше Володиного» полны безнадежности и обречённости. Все знали, что случилось с Володей Соколовым.

Человек бежал из плена – полуживой, тяжелобольной добрался до своих и попал в штрафбат – из огня да в полымя, и в живых остаться шансов почти не оставалось.

На запрос сестры Кати, где погиб и похоронен Арсений Соколов, пришёл ответ: *«В списках штрафных подразделений не числится, так как учёта рядовых не было».* Арсений погиб в бою и покоится безымянным. Трагическая судьба братьев вновь подтверждает, что, к сожалению, жизнь человека и память о нём не представляли никакой ценности.

Тройка УНКВД, сфабриковав дело, приговорила безвинного Владимира Ивановича к высшей мере наказания – расстрелу (он реабилитирован посмертно).

И Арсений Иванович, и Владимир Иванович Соколовы – это неоценённое загубленное богатство России, которую они преданно любили.

Екатерина Ивановна вспоминала, что после раскулачивания семьи Арсю лишили права бесплатного обучения в шко-

ле. Из-за отсутствия средств его отчислили. А был он первым учеником, жаждущим знаний, выделялся пытливым умом. Он так страдал из-за невозможности учиться, что бегал в школу и слушал через дверь объяснения учителя на уроке. И только переехав в Тверь, смог продолжить образование. Екатерина Ивановна, когда читала про известного «Филиппка» Л. Н. Толстого, всегда видела в этом образе своего младшего брата.

Все в семье были музыкально одарены, природа наградила их абсолютным слухом и певческим талантом – играли на музыкальных инструментах. Арсений отличался весёлым и общительным характером, хорошо играл в шахматы.

Когда он учился в Москве, не успевал в суматохе студенческих дел написать письмо матери. Лидия Сергеевна попросила, чтобы давал о себе знать. Послушный сын нашёл выход из положения и каждую неделю отправлял открытку: «Жив, здоров, – Арсений Соколов».

Сергей Сергеевич Мощанский

Свидетелем по делу В. И. Соколова проходил его дядя – С. С. Мощанский, чьи показания стали одним из аргументов для вынесения высшей меры наказания. Какая чёрная сила разрушила его душу, ранее порядочного человека, совершившего поступок, ему не свойственный? Что известно о его жизненном пути?

Родился он в 1861 году в семье священника. До 1885-

го окончил Тверскую духовную семинарию, около десяти лет работал учителем, с 1896-го – столоначальник Тверского епархиального управления. В 1912-м окончил Московский университет, юридический факультет, стал известным и уважаемым мировым судьёй. С мая 1925 года перешёл в Коллегию защитников, откуда в 1929-м исключён как сын служителя культа и как бывший мировой судья.

Привожу фрагменты из архивных документов.

1931 год, июня 21 дня – Я, уполномоченный Тверского Оперсектора ППО ГПУМО Успенский, сего числа, рассмотрев материалы на гр. Мощанского по обвинению его в преступлении по ст. 58 УК и приняв во внимание, что обвиняемый, будучи на свободе, может повлиять на ход следствия, дознания, и есть опасение, что он может скрыться от суда и следствия, а посему, руководствуясь ст. ст. 143, 145, 146, 147 и 158 УПК, суд постановил:

Обвиняемого Мощанского заключить под стражу Тверского ИТД, о чём на основании ст. 146 УПК копией сего постановления уведомить Прокурора, наблюдающего за органами ОГПУ.

Уполномоченный ОПО Успенский. Согласен: нач. отд. Утверждаю: начальник сектора ППО ГПУМО (подписи неразборчивы).

Машина «правосудия» заработала, пополняя «дело» соответствующей документацией. Ордер № 10/35 – на производство обыска у гражданина Мощанского, протокол обыс-

ка, рапорт начальнику Тверского Оперсектора от сотрудника Козлова Михаила Александровича...

20 июня 1931 года по Вашему приказанию я производил обыск и задерживал Мощанского С. С., проживающего: Школьный переулок, д. 19, где обнаружил служителя культа гр-на Симакова, кой проживает в доме без прописки. Из слов Симакова: он переведён начальством в Тверь и поселился у знакомого Мощанского, а посему и доношу. Козлов.

Из протокола допроса Мощанского более подробно узнаём некоторые новые факты из его биографии.

По делу показываю: до 1885 года я учился и окончил среднее учебное заведение, т. е. Тверскую духовную семинарию. По её окончании был учителем в г. Старице около 10 лет. С 1896 года поступил столоначальником Тверского епархиального управления, служил также около 10 лет, после чего поступил в Московский университет, окончил его в 1912 году. Затем выбран кандидатом на судебную должность в Тверской окружной суд.

Пробыв в этой должности год, был назначен мировым судьёй в г. Луцк Волынской губернии, служил до 1917 года. После революции я переехал в Тверь и работал в милиции помощником начальника участка около двух месяцев, после чего как мировой судья я был снова призван в Луцк, где и пробыл с июля по август 1917 года. И с этого месяца до января 1918 года служил судьёй в Старице. С начала 1918 года,

перебравшись в Тверь, поступил в Рабкрин инспектором, с 1921 г. работал в Губпрофсовете ответственным секретарём в суде.

В 1923–24 гг. – юрисконсульт Тверского электротреста, после чего некоторое время – в секретариате Губпрокуратуры, а с мая 1925 года перешёл в Коллегию защитников на ст. Оленино Ржевского уезда, и здесь, в Твери, до 1929 года.

Был исключён из Коллегии как сын слугителя культа и как бывший мировой судья.

С тех пор я почти ничем не занимаюсь, кроме работы в течение двух месяцев на Рабфаке. Я отец троих детей. В Твери меня знают многие как бывшего члена Коллегии защитников, и поэтому до настоящего времени имеются обращения за юридической помощью: куда надо обращаться по тому или иному вопросу, написать заявление о восстановлении в избирательных правах и т. д., что выполняется мною безвозмездно.

Был я знаком с некоторыми слугителями культа в Твери и, в частности, с Левановским, хотя я у него и он у меня не бывал и в церковной истории придерживаюсь Синодосветской ориентации. Также знаю и некоторых монашек, в частности Максимович, она ко мне обращалась. Я ей писал заявление о восстановлении в избирательных правах. Писал ли я ей ещё заявления – не помню, допускаю, что писал. Монахинь Вассу Герасимову и Аграфену Саратову не припоминаю. О том, что я вёл с посетителями какие-либо разговоры

антисоветского характера, исключая, так как посещал меня контингент посетителей для подобных собеседований по своему политическому уровню и общественному развитию для меня был неподходящий.

Больше добавит ничего не имею. Мощанский.

Допросил Успенский.

Его «дело № 924», шитое «белыми нитками», стремительно пополнялось всё новыми материалами. Маховик раскручивался, начались допросы свидетелей. Одним из них был Орлов Валерьян Евгеньевич. Вот что он сообщил.

Мощанского я знаю как проживающего со мной в одном доме. Соседи-квартиранты говорили, что к нему ходило много народа, в том числе священники и монахи. Он оказывал юридическую помощь, особенно лишенцам; к нему приезжал племянник-лишенец, которому он дал приют со всем скарбом, с коровой. Их раскулачили в деревне.

Я твёрдо убеждён, что он занимался нелегальным адвокатством и, конечно, не безвозмездно. Как я слышал, берёт пять рублей за услугу. Когда он приходил ко мне, то говорил, что его обкладывают большими налогами и что советская власть его обдирает и душит непосильными поборами. Когда судили Пром-партию, он как-то ко мне зашёл и сказал: «Этот процесс организован советской властью, и эти люди на самом деле не виноваты, и весь процесс – фикция». Я счи-

таю, что к советской власти Мощанский относится враждебно и всегда критически оценивал все её мероприятия. В этом доме живут Киреевы. Особенно хорошо его знает тёща Киреева – Антонина Фёдоровна, может много о нём рассказать. Больше добавить нечего.

Протокол записан с моих слов – Орлов.

Допросил Костылёв.

С. С. Мощанского обвинили в систематической антисоветской деятельности и агитации. По ст. 58 лишён избирательных прав и выслан на три года в Рыбинск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.